

Статьи

ЛИТВА И ЛИТОВЦЫ В РОМАНЕ
С. Р. МИНЦЛОВА «ОРЛИНЫЙ ВЗЛЕТ»*

Павел Лавринец

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Изображение древней Литвы и литовцев в русской литературе межвоенного периода имело давнюю традицию¹, актуализированную возникновением независимого литовского государства. В новом социально-историческом и политическом контексте оказались востребованными сюжеты средневековой литовской истории и романтизированные образы государственных и военных деятелей Великого княжества Литовского. Закономерно, что в своем творчестве к

ним обратились жившие в балтийских странах и биографически связанные с Литвой прозаики и поэты.

Свое мифическое литовское родословие временами подчеркивал К. Д. Бальмонт. Он был с 1899 г. знаком с Ю. Балтрушайтисом; первые стихотворения по мотивам литовских дайн появились в сборниках *Жар-Птица* (1907) и *Птицы в воздухе* (1908). В эмиграции поэт заново обратился к литовской теме; анализу литовских мотивов и их трансформации в межвоенный период, образом Литвы и крупнейших фигур истории Великого княжества Литовского в поэзии Бальмонта посвящен ряд работ И. Видугирите² и других исследователей³.

Большое место заняла литовская тема в творчестве поэта, переводчика

* Straipsnis parengtas Lietuvos mokslo tarybos finansuojamo mokslinių tyrimų projekto „LDK tradicija, vaizdinys ir modernūs tapatumai“ (sutartis Nr. VAT-19/2010) metu. Šis projektas vykdomas pagal Nacionalinę mokslo programą „Valstybė ir tauta: paveldas ir tapatumas“.

¹ См.: Римантас Сидеравичюс, 1) «Литва и русский романтизм», *Литва литературная*, 1983, № 5 (32), с. 148–149; 2) «Русская литература в Литве и о Литве» (= „Rusų literatūra Lietuvoje ir apie Lietuvą“), *Русская литература в Литве: XIV – XX вв. Хрестоматия*, Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, с. 163–164; Павел Лавринец, «Польская литература в творчестве В. А. фон Роткирха», *Literatūra*, 1996, 34 (1), с. 137–138; Pavel Lavrinec, “Die russische Literatur und der litauische Nationalismus”, *Literatur und nationale Identität III. Zur Literatur und Geschichte des 19. Jahrhundert im Ostseeraum: Finnland, Estland, Lettland, Litauen und Polen*, Y. Varpio – M. Zadencka (Hg.), Stockholm: 2000 (Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia 22), S. 249–252.

² Обобщено в монографии: Inga Vidugirytė, *Balmonto Lietuva. Kultūrų dialogo interpretacija*, Kaunas: Santara, 2005.

³ Б. Мержвинските, «Ю. Балтрушайтис и К. Бальмонт (Из истории русского символизма)», *Literatūra*, 1991, 33 (2): *Русская литература*, Vilnius: Mokslas, 1991, с. 3–11; Олег Перов, «Культурные мотивы и исторические образы Литвы в поэзии К. Бальмонта», *Художественный текст: Восприятие. Анализ. Интерпретация*. № 6 (1). Сб. научных статей в честь 70-летия профессора Ю. А. Новикова, Вильнюс: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2008, с. 158–162.

и журналиста Е. Л. Шкляра, жившего в Литве с 1920 г. Уроженец Екатеринослава из прагматических соображений подчеркивал свое литовское происхождение и последовательно выстраивал позицию певца Литвы. Своеобычность и историческую глубину образу Литвы в стихотворениях и поэме *Летува золотое имя* придают, наряду с экзотической топонимикой и знаками литовской культурной традиции («древние дайны», Перкун, «Чурланиса полотна», Майронис), имена легендарных и исторических князей и полководцев (Дангерут, Гештовт, Гедимин, Витовт, Радзивиллы), апелляции к величественной «седой старине»⁴. Изображение Литвы, обращение к образам ВКЛ в стихотворных произведениях Бальмонта и Шкляра представляются изученными в достаточной мере и остаются за пределами статьи.

Обращение к литовской теме рижского журналиста и писателя Л. Ю. Короля-Пурашевича (подлинная фамилия Пирагис), более известного под одним из многочисленных псевдонимов *Л. Кормчий*, вызвано, несомненно, знакомством с В. Ф. Бутлером. Сын сосланного за причастность к восстанию 1863 г. литовца Бутлер⁵ в конце 1920-х гг. занялся

литературным трудом и перебрался в Ригу, где основал издательство «специально для того, чтобы издавать самого себя»⁶. Помимо собственных романов Бутлер выпустил в своем издательстве «Школа жизни» *Литовские народные сказки* в переводе Ф. И. Шуравины и с предисловием К. Д. Бальмонта (1931), две книги плодовитого прозаика И. С. фон Нолькена, сборник рассказов Кормчего *Мир Любви* (1931) и еще несколько изданий. Кормчий заслуженно пользовался репутацией «авантюриста и пройдохи»⁷, беспринципного журналиста, автора бульварных пасквилей и сенсационных романов. Продукция «Школы жизни» предназначалась, прежде всего, для Литвы: Бутлер стремился «внести свою посильную лепту в дело строительства жизни моей обновленной Родины»⁸. Очевидно, с учетом этих обстоятельств Кормчий написал единственное сочинение о далеком прошлом Литвы – «роман-легенду» *Гений мира* (1931). Он, насколько известно, до сих пор не становился предметом научного исследования и будет рассмотрен в другой статье.

⁴ Павел Лавринец, 1) «Русская, литовская, еврейская позиции лирического субъекта Е. Шкляра», *Meninis tekstas: Suvokimas. Analizė. Interpretacija*, № 3: *Straipsnių rinkinys = Художественный текст: Восприятие. Анализ. Интерпретация. Сборник статей*, Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2002, с. 305–312; 2) *Евгений Шкляр: жизненный путь скитальца. Монография*, Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета, 2008, с. 96–107, 209–220; Pavel Lavrinec, „Tarp trijų savivokos kraštinių (Eugenijaus Škliaro tapatumo konfigūracija)“, *Darbai ir dienos*, 2003, 34, p. 191–211.

⁵ См. подробнее о писателе и его творчестве: Giedrius Vilūnas, *Lietuvių istorinis romanas*, p. 87–88; [Би-

роте Мержвинскайте], «Владас Бутлерис», *Русская литература в Литве: XIV – XX вв.*, с. 487; Павел Лавринец, *Русская литература Литвы. XIX – первая половина XX века*, Вильнюс: Petro offsetas, 1999, с. 97–99.

⁶ Ю. И. Абызов, *А издавалось это в Риге. 1918–1944: Историко-библиографический очерк*, Москва: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2006, с. 210.

⁷ Жан Бадин, «Авантюрная Рига в романах П. Чунчина», *Рижский текст*, Рига: Latvijas Universitāte, 2008, с. 90; см. также: Ю. Абызов, Р. Тищенко, «История одной мистификации: Факты и гипотезы», *Даугава*, 1990, № 9, с. 108–116.

⁸ В. Ф. Бутлер, «От издателя», *Л. Кормчий, Гений Мира. Роман-хроника*, Рига: Издательство «Школа жизни» В. Ф. Бутлера, 1931, с. [4–5].

Корни родословного древа С. Р. Минцлова «уходят в древнюю Литву», как продолжают утверждать в наши дни⁹, некритично следуя за самим писателем, который возводил свой род к предкам «литовского происхождения, из племени пруссов», павшим в «великой Грюнвальденской битве»¹⁰. С Литвой он был знаком благодаря службе в квартировавшем в Вильне полку, когда «со своим денщиком он пешком обходит пол-Литвы». Служа позднее на таможене в Крентинге, где работы было немного, Минцлов отдался «ознакомлению с интересующими его особенностями Литвы и ее прошлого и народа», занимаясь раскопками курганов, собиранием предметов старины, скитаниями «по лесам, озерам и рекам»¹¹. Его исторические повести о временах Кейстута, Ягайлы и борьбы с крестоносцами *В лесах Литвы* (1905) и *На крестах* (1906) издавались под общим заглавием *Литва* (1911). Обосновавшись в 1922 г. в Риге, писатель переиздал их под названием *Лесная быль* (1927). Позднее автор популярных исторических произведений написал роман *Орлиный взлет* (1932), путевые и мемуарные очерки, затрагивавшие давнее и недавнее прошлое Литвы; литовская тематика присутствует в его книгах воспоминаний *У камелька (Моя молодость)* (1930) и *Мистические вечера* (1931)¹².

⁹ Анатолий Ракитянский, «Вспоминая С. Р. Минцлова», *Рижский библиофил*, Рига: Библиофил & Коллекционер Анатолий Ракитянский, 2003, с. 25.

¹⁰ «Родословная», *Книгохранилище Сергея Рудольфовича Минцлова*, Санкт-Петербург: Тип. Л. Я. Ганзбурга, 1913, с. V.

¹¹ В. Бутлер, «С. Р. Минцлов в Литве», *Литовский курьер*, 1932, № 73, 21 июня, с. 2.

¹² [Бируте Мержвинскайте], «Сергей Минцлов»,

В печати балтийских стран, литовской в особенности, романы Минцлова на литовские темы и их переводы на литовский язык обсуждались, в том числе и в аспекте достоверности / недостоверности воссоздания событий и деятелей истории. Часть таких откликов появилась в полемике по поводу юбилейного конкурса на произведение, посвященное великому князю литовскому Витаутасу Великому. По его итогам ни одно не получило премии, но роман Минцлова (наряду с романом *Перепутья* Антанаса Венуолиса, поэмой *Подвиги Витаутаса* Стасиса Лауцюса-Лауцявичюса и пьесой *Жальгирис* Витаутаса Бичюнаса¹³) был издан на средства юбилейного Комитета Витаутаса Великого. О литовских мотивах в прозе Минцлова писалось также в связи с его пребыванием в Литве (1930, 1932) и по поводу смерти (1933). Позднее литовская тема в произведениях русского писателя, как и его творческое наследие в целом, долгое время не привлекала внимания исследователей. Лишь в последние десятилетия появились единичные публикации, в которых, впрочем, литовские мотивы в романах на темы литовской истории, в мемуарных и очерковых текстах предметом более детального описания либо углубленного анализа не становилось¹⁴.

Русская литература в Литве: XIV – XX вв. Хрестоматия, с. 533.

¹³ „Įsprendtas V. D. komiteto literatūros konkursas“, *Lietuvos aidas*, 1932, nr. 69 (1444), kovo 29, p. 6.

¹⁴ Василий Барановский, [вступительная заметка к отрывкам из романа С. Р. Минцлова *Орлиный взлет*], *Вильнюс*, 1993, № 11 (130), с. 166–167; Н. Титарович, «С. Минцлов и Балтия: заметки к теме», *Балтийские перекрестки: этнос, конфессия, миф*, ред. колл. М. В. Завьялова, Н. Н. Казанский, Т. В. Цивьян, Санкт-Петербург: Наука, 2005, с. 386–388, 390.

Задача работы заключается в анализе изображения древней Литвы и персонажей литовцев в романе Минцлова *Орлиный взлет* (повести *В лесах Литвы* и *На крестах* рассматривались в других статьях¹⁵). Статья продолжает цикл работ, анализирующих конструирование образов средневековой Литвы и литовцев в произведениях А. А. Бестужева-Марлинского, В. А. Жуковского, Н. А. Дуровой, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Кукольника, П. В. Кукольника¹⁶, Г. А. Хрушова-Сокольников¹⁷, А. А. Навроцкого, Вс. С. Соловьева, А. А. Коринфского и других прозаиков, поэтов, драматургов¹⁸, и исходит из методологических оснований, сформулированных в этих статьях.

Роман *Орлиный взлет*, как уже было сказано, написан для конкурса на лучший роман или поэму и драму о Витаутасе, проводившегося в Литве в 1930 г. – Году

Витаутаса Великого (в связи с 500-летием смерти)¹⁹. Книга вышла на литовском языке под названием *Daina apie sakalą* («Песня о соколе») в переводе Юргиса Талмантаса большим тиражом в 3025 экземпляров на средства юбилейного Комитета Витаутаса Великого, с оплатой расходов типографии и выплатой гонорара автору²⁰. Она пополнила корпус переводных прозаических произведений, прославляющих литовскую старину до появления оригинальной литовской исторической романистики, среди которых были *Грюнвальдский бой* Хрушова-Сокольников¹⁷ и *В лесах Литвы* Минцлова²¹.

На русском языке *Орлиный взлет* вышел в Риге, датированный под текстом 1930–1931 гг. Датировка отвечает действительности: судя по сообщениям печати о пребывании писателя вместе с женой К. Д. Минцловой с конца мая до середины июня 1930 г. в Литве, к тому времени существовал только замысел романа, и, по словам Минцлова, он уже ознакомился с необходимыми историческими материалами, а в Литву отправился для того, чтобы увидеть места, в которых действуют его герои²².

¹⁵ Павел Лавринец, «Литва в русской литературе конца XIX – начала XX вв.», *Literatūra. Rusistica Vilnensis*, 2009, 51 (2), с. 67–69.

¹⁶ Павел Лавринец, 1) «Литовцы и история Литвы в русской художественной литературе XIX – первой половины XX вв.», 2) «С медвежьей кожей на плечах»: литовец в русской литературе», *Barbaras Europos literatūroje ir kultūroje. Barbarian in European Literature and Culture*, Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2008 (*Acta litteraria comparativa. Mokslo darbai*, 2008, 3), с. 159–172; Pavel Lavrinec, „Su lokena ant pečių“: lietuvius rusų literatūroje“, *Naujasis Židinys – Aidai*, 2008, nr. 3, p. 107–112.

¹⁷ Павел Лавринец, 1) «Средневековая Литва в романе Г. А. Хрушова-Сокольников *Грюнвальдский бой*», *Meninis tekstas: Suvokimas. Analizė. Interpretacija* № 6 (1): *Mokslinių straipsnių rinkinys skirtas prof. Jurijaus Novikovo septyniadešimtmečiui*, Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2008, с. 107–113; 2) *Грюнвальдский бой* Г. А. Хрушова-Сокольников и Альф и Альдона Н. В. Кукольника, *Славянские чтения VII, Даугавпилс: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais argāds “Saulē”*, 2009, с. 59–72.

¹⁸ Павел Лавринец, «Литва в русской литературе конца XIX – начала XX вв.», с. 59–72.

¹⁹ Подробнее о конкурсе и кампании прославления Витаутаса Великого см.: *Dangiras Mačiulis*, „Vytauto Didžiojo metų (1930) kampanijos prasmė“, *Lituanistica*, 2001, nr. 2(46), p. 54–75; кампания вызвала поток специфической историко-публицистической литературы (*vytautinė literatūra*) и утвердила культ Витаутаса и представление о периоде его правления как кульминационной эпохе в истории литовцев и ВКЛ, см. Giedrius Viliūnas, *Lietuvių istorinis romanas*, Vilnius: Mokslas, 1992 (*Literatūra* 33 (1)), p. 54.

²⁰ *Vytauto Didžiojo Komiteto atliktų darbų apžvalginis biuletenis* Nr. 1, Kaunas: V. D. Komiteto leidinys, 1932, p. 14.

²¹ Giedrius Viliūnas, *Lietuvių istorinis romanas*, p. 54–55.

²² „Atvažiavęs rusų rašytojas Minclovas“, *Lietuvos aidas*, 1930, nr. 113 (894), gegužės 20, p. 1; „Rašytojas

Время действия романа охватывает период между 1382 г., когда Ягайло²³ захватил Вильну и Троки и заточил в Крево двоюродного брата Витовта, а Кейстут по его приказу, как говорится в романе, был задушен, и 1392 г., когда Витовт после перипетий междоусобной борьбы стал великим князем литовским. В это десятилетие в Литве произошли важные исторические события, отражившиеся в романе: бегство Витовта в Гродно, где он собирал силы для отпора Ягайле, обручение его дочери Софьи с сыном Дмитрия Донского (с последовавшим сватовством Василия Дмитриевича уже в качестве великого князя московского), союз Витовта с Орденом и пребывание его в Мариенбурге, брак Ягайлы и королевы польской Ядвиги и католическое крещение Литвы. Следует согласиться с первыми рецензентами, заметившими, что писатель обращает больше внимания на интимную жизнь Витовта и его семьи, чем на литовское общество того времени, а жанр произведения следует определять как историко-приключенческий роман²⁴ или приключенческий роман ситуаций²⁵.

S. Minclovas Kaune“, *Lietuvos aidas*, nr. 122 (903), gegužės 31, p. 5; J. P. [J. Paleckis], „Pas rašytoją S. R. Minclovą“, *Diena*, 1930, nr. 23 (96), birželio 15, p. 5.

²³ Имена исторических персонажей и топонимы даются в тех формах, в которых они выступают в рассматриваемом произведении.

²⁴ A. Merkelis, [rec.:] „S. Minclovas. *Daina apie sakalą*. Vytauto Didžiojo laikų istorinis romanas. Vytauto Didžiojo Komiteto literatūros konkurso nutarimu šis veikalas pripažintas spausdintinu Komiteto lėšomis. Vytauto Didžiojo Komiteto leidinys. Kaunas, 1932 m. 209 pusl. 14X21 cm.; 3.000+25 egz.; Kaina 3 lt.“, *Lietuvos aidas*, 1932, rugsėjo 1, Nr. 198 (1573), p. 3.

²⁵ J. Keliuotis, „Vytauto Didžiojo vardu paženklinta literatūra“, *Naujoji Romuva*, 1932, nr. 34–35 (86–87), rugpjūčio 28, p. 725.

Роман симптоматично начинается с живописного описания прогулки княгини Анны, Софьи и приближенных боярина Семена Игнатьевича, слуги татарина Махмута и большой свиты, во время которой становится известно о вероломном захвате Ягайлой Вильны и о пленении Кейстута и Витовта. Эпизод освобождения Витовта из плена (гл. V) занимает меньше места, чем неожиданные повороты многодневных поисков клада Витовта в Троцком замке, где Аукас и Лугвений, преодолев опасности и трудности, отыскали тайник, проникли в него, но долго не могли найти выхода (гл. VII–XIV). В романе живописуются поиски матери Витовта Бейруты, увезенной жрецами и удерживаемой в качестве заложницы в потайной пещере в Жмуди, и неудачная попытка ее освобождения (гл. XXI–XXIV). События собственно исторические, повороты политической и военно-политической истории представляются в небольших сценах и обычно в изложении персонажей. Например, из подслушанного Аукасом разговора в Троцком замке читатель узнает о намерении польской шляхты женить Ягайлу на Ядвиге²⁶, затем разведчик Витовта сообщает, что Ягайло заключил договор с поляками, согласно которому Ягайло женится на Ядвиге и становится королем польским, а Литва «навек сливается с Польшей», ею «будут править польские паны», Ягайло «примет их веру и нас всех переведет в нее» (с. 88).

²⁶ С. Р. Минцлов, *Орлиный взлет. Исторический роман*, Рига: Тип. „Star“, [1932], с. 47–48. Далее ссылки на это издание даются в тексте в скобках с указанием страницы.

Витовт «устремил взгляд на восток», вынашивая мысль «Москву за собой поставить» (в противовес Ягайле, у которого «поляки теперь за спиной стоят») и мечтая о том, «кабы все русские земли с нашими слить», после того, как Махмут открыл ему, что его гость – московский княжич. К политической удаче Витовта Василий Дмитриевич, едва ли не случайно появившийся в Гродно на пути из Орды, влюбился в Софью.

Матримониально-политические замыслы Витовт обсуждает с Анной; вместе с ней убеждает Софью согласиться на брак с Василием с целью спасения Литвы «от когтей Польши» (с. 116–117). Жена сопровождает Витовта в переездах, присутствует в важных сценах государственной жизни. Княгиня выступает в роли верной спутницы, жены и друга князя, если воспользоваться формулой посвящения романа («Верной спутнице моей жизни, жене и другу Ксении Дмитриевне Минцловой посвящает эту книгу автор»).

Пейзажи и описания походов и переходов героев по дремучим лесам с вековыми деревьями создают образ богатого растительностью, изобилующего зверями края, где, помимо междоусобной борьбы Ягайло и Витовта, «идет борьба богов разных вер» (с. 163). Романские литовцы привержены язычеству; несколько раз описываются и упоминаются виленское «Ромове, главное капище бога Перкуна», развалины древнего капища под Троками, храм богини Прауримы в Поланге, жрецы бога Поклюса, потаенное капище в пещере, под которым «сам Поклюс живет», бог войны Кавас. Именами языческих

божеств пересыпана речь персонажей («Да напустит Гадютая всех змей своих на проклятого Ягайлу!!», с. 37; «Храни меня Перкун!», с. 57; «Ну и холода же послал Потримпос!..», с. 124 и т. п.).

Вероисповедание Витовта и его семьи не акцентируется. Однако многочисленные детали не оставляют сомнений в том, что они – православные, как и боярин Семен Игнатьевич, няня Маремьяна Никитишна и часть приближенных князя и княгини: Анна – родом из Смоленска, в ее «уютном покое» теплится лампадка (с. 141); Витовт и Анна благословляют Софью «византийской иконой Богоматери», в обручении Софьи с Василием участвует священник (с. 118); Софья дарит на память влюбленному в нее Юрию свой крестильный золотой крест со словами «Христос с тобой!..» (с. 176).

Обреченность язычества утверждается рядом ярких эпизодов. Например, в тайнике Трокского замка Лугвений и Аукас, измученные жаждой и голодом, в страхе и отчаянии гадают: не из-за Христа ли погиб Кейстут и сами они попали в беду (пока «молились своим богам – все шло хорошо»? Аукас напоминает, что еще дедам «было предсказано, что крест придет в Литву» (с. 69). Пережитые потрясения заставили Лугвения уверовать и в безвыходной ситуации взывать к Христу, а по спасении славить его (с. 70–71, 74). Наивный прозелитизм привел Лугвения в Ромове, где он с криком «Христос пришел!» бросился рубить идол Перкуна (с. 168–169). Сами жрецы понимают, что уход старых богов неизбежен, что «срок пребывания их на Литве, предсказанный

Лездейкой», истек (с. 163). Впрочем, католическое крещение Литвы не получает иных объяснений, кроме как этого легендарного предсказания Лездейки, а также честолюбия Ягайлы, которым воспользовались поляки в стремлении подчинить себе страну.

Местный колорит создается настойчивыми повторами немногих специфических элементов литовского быта и культуры: *канклис* («инструмент похожий на цитру», с. 10), *алюс*, который пьют из сулей, ковшей или рога, хранят в огромных жбанах и бочках, особого рода жилище *нумай*, «поэты Литвы» *брутаники*, жрецы *вайделоты*. Оставленные, за редкими исключениями, без пояснений, литовские экзотизмы смыкаются с обозначениями чинов и должностей феодального общества (*пахолки*, *коморники*, *подскарбий*) и другими историзмами. Перспективу прошлого литовского государства, предшествующего описываемым событиям, намечает описание зала в Троцком замке с портретами «смелого красавца Гедимины», «полного глубоких, затаенных дум» Ольгерда, «народного героя Литвы» Кейтута и их жен. Замечание о том, что все княгини, кроме Бейруты, были русские (с. 46), придает браку Витовта со смолянкой характер закономерности и дополнительно обосновывает его расчет на союз с Москвой.

Временную удаленность изображаемого мира поддерживают конструкции, сопоставляющие прошлое и настоящее: например, «бычачий пузырь, заменявший в те времена стекло» (с. 36), «роскошь того времени – изразцовая печь» (с. 96), мраморный водоем у замка «с

редкостью тех времен – золотыми рыбками и с высоко бившим фонтанчиком» (с. 154). В одном случае подобная конструкция продолжена лирическим отступлением: на фундаментах языческого святилища возведен собор, «существующий и поныне»; в подземелье сохранился жертвенник, и тот, кто хочет «побывать душой и телом в глубокой древности Литвы», должен спуститься в подземелье и «прикоснуться рукой к камню: он посылает вещие сны» (с. 170). Иного рода отступление в эпилоге носит характер историко-краеведческого комментария к эпизоду сооружения, по вещему сну Анны и обещанию Витовта, костела Святой Анны («сперва деревянное, а впоследствии одно из прекраснейших в мире готических зданий»). Храм «не велик, воздушен и до того строго хорошо», что в 1812 г. Наполеон «долго любовался им и сказал, что если бы было возможно, он поставил бы его себе на ладонь и увез бы во Францию» (с. 201).

Витовт изображается сдержанным, изредка гневающимся, способным оценить чужую шутку и порадоваться своей собственной. Характер умного и предусмотрительного князя складывается из скупых штрихов, проявляющихся в различных ситуациях: «строже и глубже сделался взгляд умных глаз» (с. 81), «глаза Витовта почернели» (с. 84), «остановил на нем внимательные глаза» (с. 88), лицо «было хмуро, но спокойно» (с. 149). Негативное отношение к Ягайле формируется развитием сюжета и оценками «Иуды-предателя» (с. 59) персонажами, близкими Витовту. Это отношение закрепляет портрет, в ко-

тором уменьшительные суффиксы и эпитеты *худощавый, узкий, небольшой* и т. п. создают образ ущербности и неполноты: «худощавый пан с небольшой черной бородкой» (с. 38), «коринками поблескивали беспокойные глазки; с узкого лица свисали жиденькие усы» (с. 43). Появление Ягайлы обычно сопровождается описанием его роскошных одеяний: «узнал пышно одетого пана, в расшитом золотом малиновом платье» (с. 38), «ослепительно блистал желтый камзол, весь расшитый золотом; на голове красовалась такая же шляпа с плюмажем из страусовых перьев, свисавших ниже плеч; розовые порты были вправлены в алые сапоги» (с. 164). В его характере отмечается жестокость («не прощал людей, становившихся на его пути, и расправлялся с ними жестоко», с. 65), суеверная боязнь духов и привидений, хвастливость, гневливость. Ягайло падок на лесть, им манипулируют приближенные поляки, охота и охотничьи собаки заботят его больше судеб родины (с. 47, 105–107, 199).

В романе последовательно противопоставляются: с одной стороны – Ягайло, поляки и «ягайловцы», а также жрецы (они не могут простить Кейстуту похищение Бейруты, поэтому, по словам одного из персонажей, «ягайловцы явные» и «народ баломутят»), с другой – Витовт с семьей и окружением, московский княжич и его приближенные, простой литовский люд и множество второстепенных персонажей. Среди друзей и союзников Витовта – великий магистр Ордена Цольнер «с умным высоким лбом» (с. 157). Крестоносцы рыцари и кнехты представлены грубоватыми и

высокомерными, но не такими бесчеловечно жестокими, алчными и коварными захватчиками, как в других русских исторических романах, повестях, поэмах. Минцлов отказывается от традиционных красок в изображении немецких рыцарей и, например, описывая совещание высших сановников Ордена, создает комические эффекты («тяжко сопя, согласился тучный и красный, что медный котел, голубоглазый командор, напоминавший обломок скалы с человеческими формами», с. 158).

В эпизоде, давшем название литовскому переводу романа, Минцлов следует традиции произведений о литовской старине, сложившейся благодаря *Конраду Валленроду* Адама Мицкевича и продолженной в поэме Лермонтова *Литвинка*, драме Навроцкого *Крещение Литвы*, романе Хрущова-Сокольников *Грюнвальдский бой*, в которых песня пробуждает патриотические чувства героя. На пиру в мариенбургском замке жрецы, переодетые певцами-брутаниками, поют песню о соколе, иносказательно укоряя Витовта в том, что он в тяжкую для родной земли годину бросил беззащитных соотечественников на мученья и гибель; песня побуждает князя просить Цольнера о прекращении похода рыцарей на Жмудь (с. 181–182).

Минцлов также использовал ординарный повторяющийся набор компонентов литовской экзотичности (необычные имена, язычество, особенности быта), но сделал это умереннее, чем в своих ранних повестях и чем это делали Кукольник, Хрущов-Сокольников и Липкин. Столь же традиционными являются противопоставления Витовта

и Ягайлы, литовцев и поляков, а также представления о близости и родственности литовцев и русских. В целом *Орлиный взлет* следует традициям исторического романа и изображения литовской истории в русской художественной литературе. Апологическое изображение древних литовцев и главного героя в романе Минцлова, таким образом, обусловлено не только конъюнктурными обстоятельствами, заданными конкурсом, для которого написан *Орлиный взлет*.

Тем не менее, конкурсный характер романа, в котором предполагалось прославление Витовта, не мог не сказаться на его содержании и в особенности на изображении князя. По мнению А. М. Хирьякова, писатель вынужденно «устранил все теневые стороны своего героя», в результате чего «получилось нечто бесцветное, не живое», напоминающее полководцев или богатырей лубочных картин²⁷. Современная критика отмечала различного рода ошибки и несообразности в романе Минцлова, в частности, «хронологические погрешности»²⁸. К недостаткам романа один из критиков отнес игнорирование географических данных: несколько дней по Вилейке, т.е. по Вильне (Вильняле), мелкой и извилистой реке с быстрым течением, плывут крупные суда²⁹ –

тяжелые ладьи, вмещающие «человек по двадцати с копиями и луками», не считая гребцов и рулевых (с. 6). Хирьяков в цитированной рецензии обратил внимание на обмолвку писателя, объясняемую тем, что роман «написан наспех, без достаточно строгой отделки»: Анна, говоря об отце Витовта, называет Кейстута вместо свекра тестем (с. 18).

Фактографические слабости романа не сводятся к ошибкам такого рода, объяснимым спешкой и необходимостью спрямить реальные противоречивые сюжеты истории и сконцентрировать их вокруг главного героя – необходимостью, обусловленной конкурсным заданием. В основе фактографических слабостей лежит отсутствие в романе Минцлова исторической проблематики: повествование с исторической тематикой не раскрывает детерминированности исторического процесса и причин событий. Исторические конфликты и потребности (в частности, историческая неизбежность крещения и союза с Польшей) подменяются взаимной враждой литовцев и поляков, дурным характером Ягайлы и необъяснимой любовью народа к Витовту. Редукция исторической проблематики повлекла за собой неясности в изображении действий главного героя: читатель не получает ответов на вопросы, какие, собственно, меры предпринял Витовт для своего успеха, в чем заключался его союз с немцами и, главное, что дал «орлиный взлет» великого князя Литве и литовцам.

²⁷ А. Х-в [Хирьяков], [рец.:] «С. Р. Минцлов. *Орлиный взлет*. Исторический роман с иллюстрациями худ. Аписита. Удостоен награды на литературном конкурсе имени Витовта Великого», *Молва*, 1932, № 173, 30 октября, с. 4.

²⁸ В. Бичюнас, «Заслуги С. Р. Минцлова перед литовской литературой», *Сегодня*, 1933, № 354, 23 декабря, с. 2.

²⁹ I. Pronskus, „Ka Vytautas Didusis pasakytų apie savo komitetą. Literatūros konkurso neliteratiški rezultatai“, *Lietuvos žinios*, 1932, nr. 199 (3991), rugsėjo 1, p. 2.

LIETUVA IR LIETUVIAI S. R. MINCLOVO ROMANE „ERELIO KILIMAS“

Pavel Lavrinec

S a n t r a u k a

Straipsnyje nagrinėjamas Senosios Lietuvos ir lietuvių vaizdavimas rusų rašytojo Sergejaus Minclovo romane *Erelio kilimas* (lietuviškas vertimas *Daina apie Sakalą*). Gyvenęs Latvijoje S. Minclovas savo kūrinyje, parašytame specialiai Vytauto Didžiojo literatūriniam konkursui, akcentavo Lietuvos egzotiškumą, savitą lietuvių gyvenimo būdą, pagoniškąjį tikėjimą, specifinę socialinę struktūrą. Tam panau-

dotos įprastos rusų kūriniams apie lietuvių senovę klišės ir tradiciškas Vytauto ir Jogailos, lietuvių ir lenkų priešpastatymas. Minclovo romanas turi aiškų konjunktūrinį būdą, lėmusį apologišką senovės lietuvių ir pagrindinio herojaus vaizdavimą. Akcentuota istorinė tematika Minclovo istoriniame nuotykių romane prieštarauja istorinės problematikos redukavimui.

Получено: 2011, август

Принято: 2011, сентябрь

Адрес автора:

Vilniaus universitetas

Rusų filologijos katedra

Universiteto g. 5

LT-01513 Vilnius Lietuva

e-mail: pavel.lavrinec@flf.vu.lt